

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

20 мая 2014 – 16:00

К.Е. Троицкий

Реплика и обсуждение книги А.В. Прокофьева «Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости»

Перечисление достоинств книги невозможно поместить в небольшой отзыв, их действительно очень много. Здесь же хотелось бы затронуть несколько вопросов, которые возникли после прочтения книги.

1. Первый вопрос скорее методологический. Он касается произошедшей смены фокуса, с которого производится разработка разделов книги. На протяжении большинства глав исследование строится через критический разбор основных течений в этической мысли, которые затрагивают проблему понятия, области или практическое применения справедливости. Но это не так там, где обсуждаются международные отношения. Глава 6 посвящена почти исключительно (не считая краткого описания модели М. Уолцера и А. Макинтайра в параграфе 6.1) критическому анализу взглядов Д. Ролза. Но очевидно, что темы параграфа 6.2. «Распределение ресурсов между народами» и особенно 6.3 «Концепция космополитической справедливости», если, конечно, и связаны с взглядами Ролза, как и почти все отделы современной дискуссии по теории справедливости, то не сводятся к нему.

2. Второй вопрос терминологический. Слово «честность» или скорее прилагательное «честный» со своим антонимом «нечестный» часто встречается на страницах книги как в обобщениях автора, так и при цитировании. Более того, «честный» присутствует в рабочем авторском определении понятия справедливости. Слово «честный» является многозначным, оно может выступать в роли синонима таким словам, как «добросовестный», «правдивый», «справедливый», «целомудренный» и т.д. Возникает вопрос: какое отношение между понятиями «честный» и «справедливый» в книге, являются ли они синонимами, дополняют друг друга, пересекаются? Если это синонимы, то в определении допускается ошибка, т.е. определяемое определяется через себя же. Если нет, то, представляется, что «честный/нечестный» было бы очень желательно включить в следующем издании книги пояснение. Важен здесь еще следующий момент. Слово «честный» отсылает к существительному «честь», что совершенно не укладывается, в предлагаемую в первой главе и в заключении, схему деления на «этику любви» и «этику справедливости», где «этика справедливости» представляется чем-то более обыденным, приземленным, рутинным и негероическим. С этим связан третий вопрос.

3. Этот вопрос концептуальный. Вероятно, глубоко оправдан сам факт выделения двух этик в западной традиции мысли. Но почему граница проводится между «этикой любви» и «этикой справедливости»? Претендует ли эта схема на сколь-либо исчерпывающее деление? Почему автор решил не опираться на двухчастное деление, например, М. Вебера, М. Шелера, А.Д. Линдсея, Л. Фуллера, наконец, К. Гиллиган? При предлагаемом делении автор ссылается на П. Рикера, но французский мыслитель упоминается в книге лишь несколько раз в самом начале книги, да и представляет собой «континентальную» философию, «отягченную» герменевтической традицией. Автор же (что, конечно, оправданно) при представлении разных направлений и мыслителей, анализирующих

категорию справедливости, останавливается в первую очередь на англоязычной философии и аналитической традиции.

Эти вопросы ни в коей мере не являются критикой в ее этимологическом значении «выносить приговор». Андреем Прокофьевым задается высокая планка не просто дискурса о справедливости в отечественной литературе, но и того, как можно писать книги, обобщающие длительную дискуссию по важному понятию этической мысли.